

УДК 902
ББК Т4 (2Р54)

*Алексей Александрович Номоконов,
аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского
(Чита, Россия), e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru*

Погребение воина монгольской эпохи из лесостепного Забайкалья

Статья посвящена погребению знатного воина, принадлежавшего к «лесным» племенам Восточного Забайкалья (XIII–XIV вв.), раскопанному в составе могильника Новотроицк-III. С данной группой племён археологи связывают памятники, исследованные в бассейнах рек Чита, Ингода, Шилка, а также в системе Беклемишевских озёр, объединяя их в отдельную ундугунскую культуру. В погребении воина из могильника Новотроицк-III был обнаружен многочисленный и разнообразный инвентарь, выделяющий его на фоне остальных погребений некрополя.

В статье в научный оборот вводятся ранее неопубликованные данные о полевых и лабораторных исследованиях Новотроицкого некрополя. Автор детально рассматривает погребальные обряды и сопроводительный инвентарь погребения № 7 на фоне как Новотроицкого некрополя, так и ундугунской культуры в целом. В работе используются методы научного исследования: анализ, аналогия, обобщение, описание, сравнение, историко-культурный метод.

Был выявлен ряд общих черт и различий в погребальном обряде и сопроводительном инвентаре погребения № 7 могильника Новотроицк-III и другими памятниками ундугунской культуры. Результаты работы могут быть использованы учёными, интересующимися кочевыми племенами в монгольский период, для проведения сравнительных характеристик и аналогий. Сопроводительный инвентарь свидетельствует о том, что умерший отличался от своих соплеменников более высоким положением в обществе, что, в свою очередь, говорит о социальном расслоении у племен, принадлежавших ундугунской культуре.

Ключевые слова: ундугунская культура, Новотроицкий некрополь, погребальный обряд, погребение, могильник, сопроводительный инвентарь, вооружение, украшения, предметы быта, конское снаряжение.

*Aleksei Aleksandrovich Nomokonov,
postgraduate, Zabaikalsky State
Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky
(Chita, Russia), e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru*

The Burial of the Warrior from the Trans-Baikal Forest-Steppe of the Mongolian Age

This article is devoted to the burial of a noble warrior, who belonged to the "Forest" tribes of the Eastern Transbaikalia (XIII–XIV centuries), who was excavated in the composition of the burial ground in Novotroitsk-III. Archeologists connect the monuments investigated in basins of the rivers Chita, Ingoda, Shilka and in Beklemishevski Lakes to this group of tribes; they were combined into a separate Undugun culture. A numerous and various inventory was found in the warrior's interment of the burial ground. This inventory stands out from the rest of graves of the necropolis.

The urgency is in the fact that information about field and laboratory researches of Novotroitsk necropolis which has not been unpublished earlier is introduced now in the scientific circulation. The purpose of this work is in detailed consideration

of the burial rite and the accompanying inventory of burial № 7 in the background of Novotroitsk necropolis and undugun culture in general. Methods of the research are analysis, analogy, generalization, historical and cultural methods, description, comparison.

A number of similarities and differences in the funeral rite and the accompanying inventory of burial № 7 of the burial ground Novotroitsk-III and other monuments of Undugun culture were revealed. The results can be used by scientists who take an interest in the nomadic tribes of the Mongol period, for making a comparison of characteristics and analogies.

The accompanying inventory of this burial testifies that the dead differed from his tribesmen by a high social position. And this fact testifies social stratification among tribes of undugun culture.

Keywords: undugun Culture, Novotroitsk necropolis, funeral rite, burial, burial ground, the accompanying inventory, equipment, decorations, house wares, harness.

XII–XIV вв. – это время усиления военной активности монгольских племён, связанной с завоевательной политикой монгольских ханов. Население лесостепного Забайкалья также входило в зону влияния монгольской империи и принимало участие в событиях того времени. Жизнь кочевых народов бала непосредственно связана с военным делом. Отставание в искусстве ведения боя неминуемо вело за собой потерю самостоятельности. Кроме того, война являлась способом обогащения и получения необходимой продукции. В силу неавтаркичности кочевого скотоводства [7, с. 153–173], продукция земледельческого общества добывалась двумя путями: либо при помощи обмена, либо отчуждением, т. е. грабежом других племён. Война давала не только материальное благополучие и необходимую продукцию земледельцев, но и была средством социального и карьерного роста. Наиболее смелые и удачливые воины имели почёт и уважение как при жизни, так и после смерти. Захоронения таких людей отличались от погребений рядовых общинников более богатым и разнообразным сопроводительным инвентарём. В данной работе речь пойдет именно о таком захоронении, обнаруженном в могильнике Новотроицк-III, входящем, в свою очередь, в состав Новотроицкого некрополя.

Погребения некрополя были полностью исследованы в 2006 г. Верхнеамурской археологической экспедицией под руководством Е. В. Ковычева. Три могильника некрополя располагались на увалах «Лысой сопки», в 3 км к северо-западу от с. Новотроицк Читинского района Забайкальского края [1]. Могильник Новотроицк-III находился на

краю соснового леса, на третьем увале сопки, в 50 м ниже по склону от её гребня. Погребения были вытянуты цепочкой по склону в 1–2 ряда, с юго-востока на северо-запад. В могильнике было зафиксировано восемь погребений, принадлежавших, скорее всего, к ундугунской археологической культуре.

Рассматриваемому нами погребению был присвоен порядковый номер 7. Погребение на поверхности выразилось каменной надмогильной выкладкой овальной формы, которая была вытянута по линии северо-восток – юго-запад. Выкладка состояла из неплотно уложенных камней преимущественно средних (от 10 × 20 до 20 × 22 см) и крупных (от 30 × 40 до 36 × 60 см) размеров. В центральной части надмогильной выкладки разреженность камней была большей, чем по краям (рис. 1. I). Сохранность костяка плохая – отсутствовала большая часть рёбер и ступни ног; тазовые кости сохранились фрагментарно. По имеющимся костям установлено, что погребённый располагался на спине, в вытянутом положении, руки были сложены на таз, ноги сведены вместе (рис. 1. II). Головой умерший был ориентирован на восток-северо-восток. Он был помещён в деревянную колоду, от которой остались лишь контуры и небольшие фрагменты (рис. 1. II-3). За колодой с правой стороны от умершего, на уровне плеча, находилась вертикально поставленная жертвенная берцовая кость барана, которая, как считают исследователи, являласьместилищем души умершего (монгольское – сулдэ). На колоде, возле сулдэ (рис. 1. II-4) располагались наконечник дротика и колчан с наконечниками стрел.

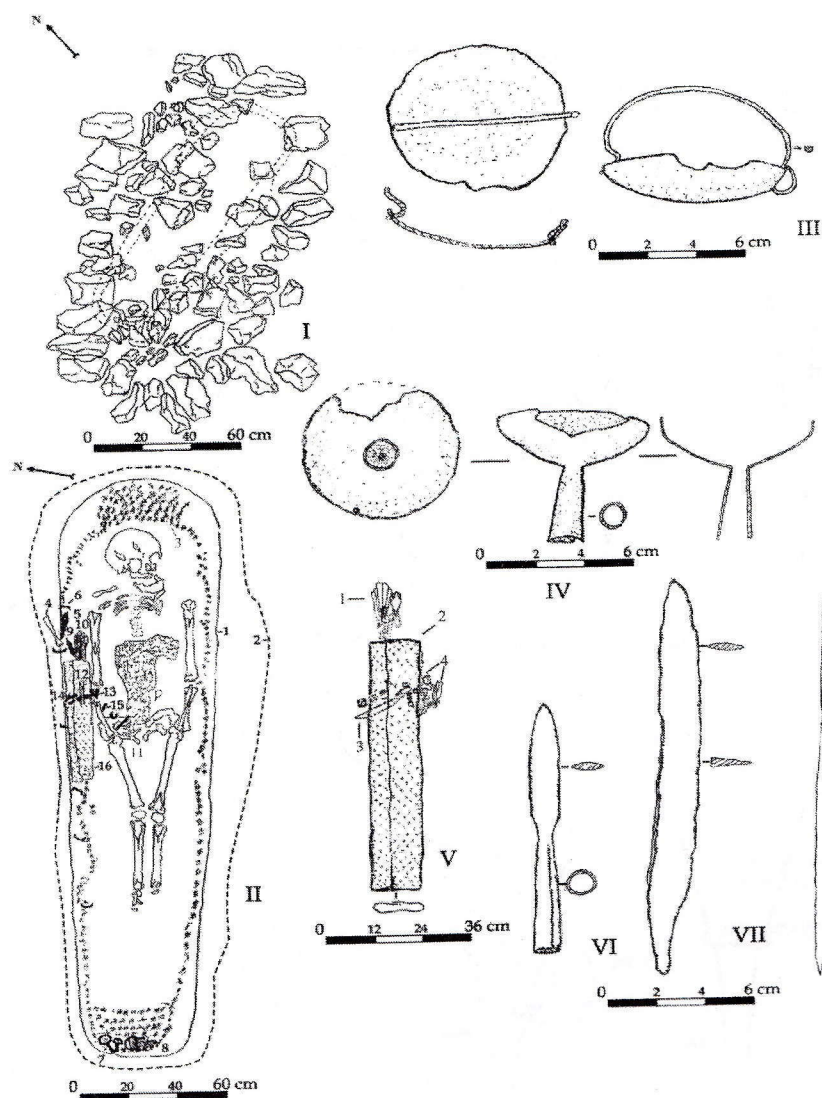

Рис. 1. Кладка – I; могильная яма – II (контуры могильной ямы – 1,2; фрагменты колоды – 3; сулде – 4; наконечник дротика – 5; скобы – 6; удила – 7; аксессуары убранства коня – 8; фрагмент ножа – 9; наконечники стрел – 10; железная пластина – 11; накладка на лук – 12; колчанный крюк – 13; накладные пластины – 14; фрагменты железа – 15; колчан – 16); подвеска – III; султанчик – IV; реконструкция колчана с наконечниками стрел и фурнитурой – V (наконечники стрел – 1; колчан – 2; нож – 3; накладные пластины – 4); наконечник дротика – VI; нож – VII

Ассиметрично-ромбический наконечник дротика [8, 1980, с. 52] имеет длину 11,8 см: из них длина пера составляет 5,8 см, втулка заканчивается широким раструбом с сомкнутым швом (рис. 1. II-5, VI). В колчане (рис. 1. II-16, V-2) находилось 8 наконечников стрел (рис. 1. II-10, V-1). Все они относятся к группе плоских наконечников – 7 к типу ассиметрично-ромбических и 1 (рис. 2. 7) к типу овально-крылатых (длина пера 3,8 см, ширина 2,4 см, длина черешка 3,7 см). Первый наконечник (рис. 2. 1), относящийся к типу ассиметрично-ромбических, имеет размеры: длина пера 5 см, ширина 1,5 см, длина

черешка 3,6 см. Длина пера второго наконечника 5,3 см, ширина 2,9 см, черешок 4,7 см (рис. 2. 4). Третий наконечник имеет длину пера 5,8 см, ширину 2,8 см, черешок 4,4 см (рис. 2. 8). Четвертый наконечник имеет длину пера 5,5 см, ширину 3 см, черешок 4,5 см (рис. 2. 3). Длина пера пятого наконечника 4,8 см, ширина 2,8 см, черешок 4 см (рис. 2. 5). Шестой наконечник имеет размеры: длина пера 5,5 см, ширина 2,3 см, длина черешка 4,5 см (рис. 2. 2). Седьмой наконечник имеет длину пера 5,3 см, ширину 3,1 см, черешок 4,7 см (рис. 2. 6).

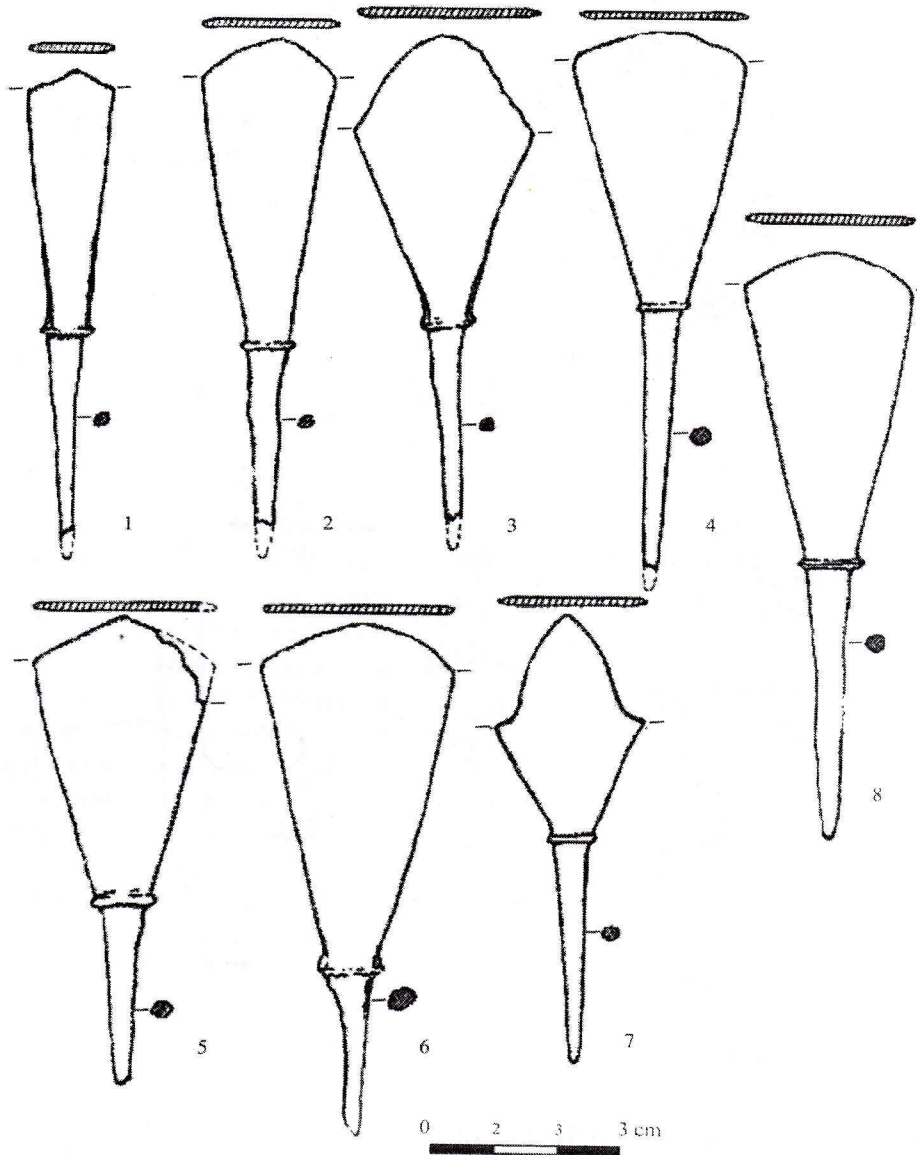

Рис. 2. Наконечники стрел

На колчане находилась костяная наклад-ка на лук длиной 14,9 см, шириной от 1,4 см до 2 см, толщиной от 0,3 см до 0,7 см (рис. 1. П-12; рис. 3. 18). Колчан сделан из бересты и имеет длину 59 см, ширину 11 см. Пояс колчана некогда был украшен пластинами, инкрустированными серебряной фольгой с насечками (рис. 1. П-13, 14; рис. 3. 1–17). Пла-стины разных размеров и форм крепились к ремню при помощи заклёпок. Четыре ква-дратные пластины (сторона которых имеет размеры от 2,5 до 2,7 см) крепились к поясу пятью заклёпками – 4 по углам, 1 по центру (рис. 3. 9–12). Две пятиугольные пластины

(по форме напоминают стрелку): у одной длинные грани 3,7 см, перпендикулярная им 2,1 см, и две грани, образующие стрелку 1,8 см (рис. 3. 17); размеры второй пластины 4,2 см, 2,2 см и 1,5 см соответственно (рис. 3. 13). Эти две пластины крепились при помо-щи четырёх заклёпок по углам длинных гра-ней. Одна пластина похожа на две преды-дущие (рис. 3. 14), отличается только большей вытянутостью граней, образующих стрелку и присутствием на углу этих граней допол-нительной пятой заклёпки (длина пластины 6,6 см). Три прямоугольных пластины разме-рами 3,7 (4; 4,2) × 2,5 см крепились к поясу

4 заклёпками по углам (рис. 3. 2, 3, 7). В центре у этих пластин есть прямоугольное отверстие (0,5 × 1 см), при помощи которого

пластины крепились к крючьям. Одна из них находилась на щитковом колчанном крюке (рис. 3, 2).

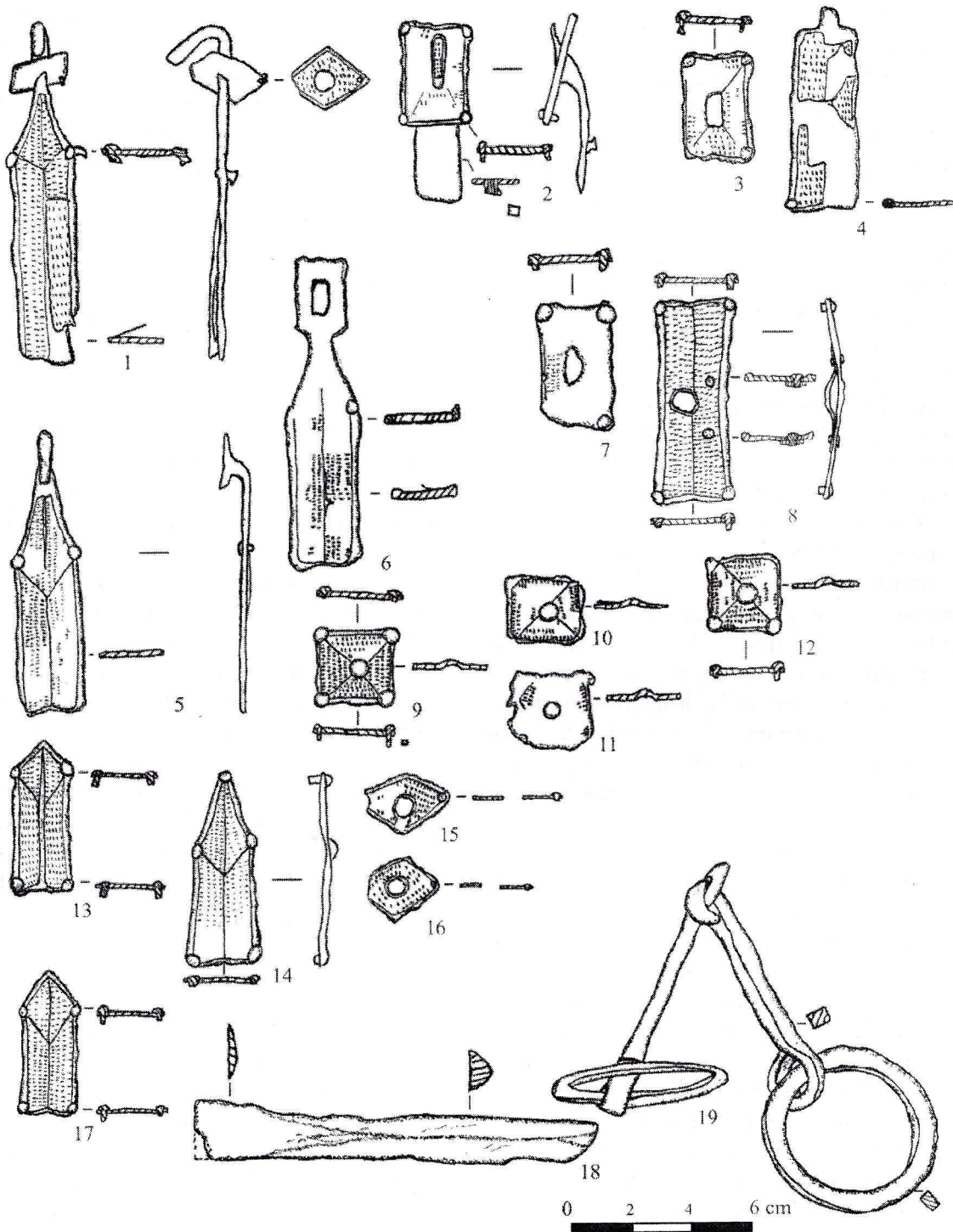

Рис. 3. Накладные пластины на пояс колчана – 1, 3–17; колчаный крюк – 2; накладка на лук – 18; удила – 19

Колчаный крюк (длина 5,6 см) крепился к поясу при помощи одной заклёпки (и прямоугольной пластины). Три пластинчатых крюка (у одного сам крюк полностью не сохранился), имеющие длину 9,5 см и 11,6 см и 6,9 см (рис. 3. 1, 4, 5), крепились к поясу, очевидно, при помощи четырёх заклёпок (сохранились только у двух по две заклёпки, а у третьего одна). Один из них имел сечение крюка округлое (рис. 3. 1), а не прямоугольное, как у других. На нём была пластина ромбовидной формы (рис. 3. 1). Всего таких пластин три (рис. 3. 1, 15, 16). Длина стороны пластин составляет 1,8 см. Пластины имеют округлое отверстие посередине диаметром 0,7 см и по одной заклёпке в остром углу (вероятно, в другом остром углу тоже была заклёпка, но у всех трёх пластин угол разрушен). Колчанная петля подпрямоугольной формы, длиной 10,5 см, крепилась к поясу при помощи четырёх заклёпок (рис. 3. 6).

С правой стороны от покойного, на тазовой кости обнаружены четыре фрагмента от железных нашивных пластин. Под колчаном находился железный однолезвийный нож длиной 18,9 см (рис. 1. V-3, VII). На конце ножа, примерно 1/3 от его длины, лезвие обоюдно заточенное. И. И. Кириллов выделил два типа однолезвийных ундугунских ножей – с черешком отделённым от обушка уступом и черешком продолжающим линию обушка [2, с. 133]. Этот нож относится ко второму типу. Также был найден, в непосредственной близости от наконечников стрел, фрагмент другого ножа – однолезвийного, черешок которого отделён от обушка уступом (рис. 1. II-9).

В ногах умершего, на колоде, были обнаружены кольчатые удила (рис. 1. 7; рис. 3. 19). Внутренний диаметр колец равен 4,3 см и 4,4 см. Половинки грызла имеют размеры 9,3 см и 8,6 см. Чуть правее удил были обнаружены железные подвеска и султанчик – украшение амуниции коня (рис. 1. II-8, III, IV). Султанчик состоит из двух частей – султанной втулки и пластины. Султанная втулка полая внутри, с сомкнутым швом, перпендикулярно зафиксирована в пластине, расширяется от основания. Длина втулки 3,3 см, диаметр у основания 0,5 см, диаметр на конце втулке 1,2 см, толщина стенки 0,1 см. Пластина султанчика выпуклой формы, име-

ет диаметр 6,5 см, толщина стенки 0,1 см, за 0,4 см до края располагается овальное отверстие (длина 0,2 см, ширина 0,1 см). Вероятнее всего, на противоположной стороне пластины имелось аналогичное отверстие (край пластины разрушен). При помощи этих отверстий султанчик крепился к ремню оголовья. Неотъемлемой частью султанчика являлся султан, который состоял из «конских волос или пучков перьев, ради которых и устраивалась вышеописанная конструкция» [6, с. 53].

Для скрепления колоды и крышки использовались железные кованые скобы, которые были найдены в количестве 7 штук в погребении (рис. 1. II-6). Скобы имеют длину от 6,5 до 8,5 см. Дно могильной ямы располагалось на глубине 85 см от современной поверхности.

Погребение № 7, как весь Новотроицкий некрополь, имеет ряд характерных черт, свойственных памятникам ундугунской культуры. Погребения, например, располагались на освящённом склоне горы, вдоль кромки леса и вблизи водоёмов – реки или озера. Возможно, река у племён ундугунской культуры имела сакральное значение, и по ней душа умершего отправлялась в загробный мир к своим предкам. Этим можно объяснить встречающиеся у данной культуры внутримогильные погребальные конструкции, имеющие форму лодки. Мы можем предположить, что естественная функция лодки как средство передвижения переносилась и в загробный мир, т. е. на ней по реке душа умершего отправлялась в своё путешествие к праотцам. Погребения ундугунской культуры на поверхности обычно выражены однослойными, реже двухслойными каменными выкладками, разряженными в центре овальной, вытянуто-овальной, подчетырёхугольной формами [2, с. 124]. Погребение № 7 также имело овальную выкладку, разряжённую в центре. Скорее всего, в кладке специально оставляли ход для освободившейся от тела души [4, с. 239]. Здесь можно провести аналогию с погребальным обрядом эвенков-орочонов, описанным А. И. Мазиным, по которому в крышке колоды предусмотрительно прорубалось отверстие для того, чтобы «душа умершего могла путешествовать» [3, 63].

Погребальный обряд ундугунской культуры предусматривал ориентировку умерше-

го головой на север или северо-восток. В погребениях могильников Новотроицк-I, II, III погребённые также преимущественно были ориентированы на северо-восток и лишь в некоторых наблюдалось большее отклонение либо к востоку, либо к северу. Умерший из рассматриваемого нами погребения был ориентирован на восток-северо-восток, что в свою очередь свидетельствует, скорее всего, не об отличии культа, а о том времени года, когда совершалось захоронение.

Одной из характерных черт погребального обряда ундугунской культуры является наличие жертвенной берцовой кости барана, которая устанавливалась в вертикальном положении с левой или с правой стороны от покойного. Несомненно, данная черта вошла в погребальный обряд лесостепного населения под влиянием степных монгольских племен, занимавшихся кочевым скотоводством. Следует также отметить, что из всех исследованных могильников Новотроицкого некрополя только в шести погребениях были зафиксированы жертвенные кости (всего было изучено 22 погребения), три из которых принадлежали погребениям могильника Новотроицк-III, в том числе погребению № 7.

Одним из распространённых предметов сопроводительного инвентаря погребений ундугунской культуры являются железные однолезвийные ножи двух видов, которые мы описали выше. В рассматриваемом нами погребении были найдены ножи обоих видов. Широко представлена коллекция ундугунских железных наконечников стрел. Самыми распространёнными железными наконечниками являются черешковые плоские наконечники стрел, принадлежащие к типу ассиметрично-ромбических. Погребение № 7 не явилось здесь исключением. Из восьми обнаруженных наконечников семь относились именно к этому типу. В памятниках ундугунской культуры наиболее массовой находкой, относящейся к предметам конского снаряжения, являются двусоставные кольчатые удила, которые можно подразделить на два типа: с равными половинками грызла и удила с различной длиной половинок грызла. Различная длина половинок таких удил, возможно, указывает на обычай свешиваться, сидя в седле, в левую сторону, держа в правой руке копьё или другое оружие. Существует и

другое объяснение, приводимое Б. Э. Петри, когда поводья не пропускали с обеих сторон, а только левый повод пропускали по общепринятому способу. Правый же подводили под подбородок коня и далее на левую сторону шеи. Таким образом, оба поводья оказывались с левой стороны коня и держались в левой руке. При таком способе держать поводья с ассиметричными удилами удобнее [5, с. 21].

Мы видим из всего вышесказанного, что рассматриваемое погребение, безусловно, относится к ундугунской археологической культуре и демонстрирует с ней общие черты. Но также нужно отметить то, что наблюдается и ряд отличий как от погребального обряда ундугунской культуры в целом, так и могильника, которому принадлежит данное погребение. Примером этому может служить наиболее разнообразный и декорированный сопроводительный инвентарь. Так, на железные пластины была начеканена серебряная фольга, которая украшали пояс колчана. Найденный в погребении султанчик и другие украшения конской амуниции свидетельствуют о том, что при жизни воин, которому принадлежит это захоронение, подчеркивал свой статус, не только украшая оружие и одежду, но и своего коня. В погребениях ундугунской культуры довольно редко встречаются такие предметы наступательного оружия дистанционного боя как копья и дротики. В погребении № 7 такое оружие есть. В большинстве памятников ундугунской культуры остатков лука не найдено, и лишь в некоторых из них обнаружены костяные накладки на лук, что свидетельствует о существовании у племён данной культуры на вооружении сложносоставного лука. В могильнике Новотроицк-III, костяные накладки были зафиксированы только в погребениях № 5 и № 7. Одной из характерных черт погребального обряда ундугунской культуры является присутствие в погребениях многочисленных изделий из кости. Это и различные по форме ременные пряжки, подвески, острия, и, конечно, костяные наконечники стрел. Однако, отличие погребений Новотроицкого некрополя заключается в том, что в количественном соотношении костяные наконечники стрел значительно уступают железным наконечникам. Костяные наконечники были обнаружены только в 5 погребени-

ях из 22 исследованных (всего 10 штук), а в погребении № 7 могильника Новотроицк-III они отсутствовали вовсе. Также в этом погребении не было обнаружено других изделий из кости, за исключением накладки на лук.

В целом, представленный выше материал показывает, что погребение № 7 принадлежало не рядовому члену рода, а скорее всего, знатному воину, который имел почёт и уважение как при земной жизни, так и в загробном мире. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь погребения красноречиво свидетельствует в пользу этого. По всей

вероятности, население, принадлежавшее к ундугунской культуре в рассматриваемый период времени, подошло к стадии разложения родоплеменных отношений и социальной дифференциации общества. Фиксация общих и различных черт даёт нам возможность не только лучше понять религиозные воззрения, хозяйственную и социальную жизнь племён, населявших лесостепное Забайкалье в первой половине II тыс. н. э., но и более чётко представлять этнополитическую ситуацию, сложившуюся в регионе в то время.

Список литературы

Источники

1. Ковычев Е. В. Научный отчёт о раскопках ундугунского и дарасунского могильников у села Новотроицкое, 2007 г. // Архив Лаборатории археологии и этнографии ЗабГГПУ (б/н).

Литература

2. Кириллов И. И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1983. С. 123–138.
3. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
4. Номоконов А. А. Сравнительные характеристики погребального обряда степных и лесостепных народов Восточного Забайкалья в XII–XV вв. // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытие: материалы LI регион. (VII Всероссийской) археолого-этнографической конф. студ. и молодых учен.: сб. ст. Красноярск, 2011. С. 238–240.
5. Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторич. прошлом якутов) // Наука и школа. Чита, 1923. № 1. С. 21–39.
6. Тишкин А. А., Горбунова Т. Г. Методика изучения снаряжения верхового эпохи раннего железа и средневековья: учеб.-метод. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.
7. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
8. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Статья поступила в редакцию 25.02.2012 г.